

причина изменений заключалась не в этом: изменялись литературные вкусы, пробуждался больший интерес к местному, конкретному материалу, в агиографию стали интенсивнее проникать местные предания и легенды. Севернорусская агиография и по своему характеру и по кругу читателей носила более демократический характер, чем агиография киевского периода, чем агиографические творения Епифания Премудрого, Пахомия Логофета. Действительно, как отмечает С. А. Бугославский, и в произведениях севернорусской агиографии трафареты житийного жанра, характерные для этого жанра с самого раннего периода его существования на русской почве, представлены широко и полно, но упрощение житийной риторики, внесение в житийные тексты бытовых, если можно так сказать, «низких» для этого жанра эпизодов и литературных приемов, более заметное и непосредственное проявление в житийном произведении авторского начала отражает не примитивность и литературную неопытность, а характеризует изменение житийного жанра.

И по характеру, и по литературным особенностям, и по времени написания близки друг другу два севернорусских жития XVI в.: Житие Александра Свирского (1545 г.) и Житие Александра Ошевенского (1567 г.). В. О. Ключевский отметил, что для Жития Александра Свирского характерно «обилие любопытных подробностей»,⁷ а Житие Александра Ошевенского охарактеризовал как «обширное и превосходное по содержанию».⁸ И. Яхонтов убедительно показал, что оба жития носят компилятивный характер.⁹ Иродион, автор Жития Александра Свирского, заимствовал из житий Феодосия Печерского, Сергия Радонежского, Варлаама Хутынского и Кирилла Белозерского не только общие места и житийные штампы, но в значительной степени и фактические данные. То же самое можно сказать и о Феодосии, авторе Жития Александра Ошевенского, для которого источником послужило Житие Александра Свирского. Это дает основание И. Яхонтову весьма скептически относиться к историко-литературному значению названных житий. Вероятно, с точки зрения историка церкви Яхонтов прав, но если рассматривать эти жития как явления литературного порядка, то мы должны признать высказывание В. О. Ключевского совершенно справедливым.

Компилятивность житий, заимствования самого разнообразного характера из одних житий в другие, как уже отмечалось выше, явление в агиографии, так сказать, исконное, характерная и даже обязательная черта этого жанра, и видеть в этом что-то предосудительное нет никаких оснований. Если же мы обратим внимание на источники, использованные Иродионом при составлении им Жития Александра Свирского, то увидим, что выбор этот едва ли случаен. Все названные жития — одни из лучших древнерусских житий с точки зрения их литературных достоинств. Но именно для этих житий характерно и другое — все они отличаются интересом к рассказу о жизни святого не только как к идеальному образу христианского подвижника, но и как к исторически-живому человеку. Примечательно, что Житие Кирилла Белозерского, оригинальное сочинение Пахомия Логофета (здесь он не перерабатывал более ранние источники, а составлял житие сам), по оценке В. О. Ключевского, «самый обширный и лучший из всех трудов Пахомия».¹⁰ Отличительной

⁷ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 263. (Далее: Ключевский).

⁸ Там же, стр. 298.

⁹ Ив. Яхонтов. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881, стр. 37—110.

¹⁰ Ключевский, стр. 159—160.